

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-408-413

ПОНЯТИЕ «СЕТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

THE CONCEPT OF «NETWORK» IN MODERN SCIENCE AND PHILOSOPHY

М.А. Игнатов

M.A. Ignatov

Белгородский государственный институт искусств и культуры
308024, Россия, Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod State Institute of Art and Culture,
7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: ignatovmikle@gmail.com

Аннотация

В данной статье мы рассматриваем ряд узловых аспектов сетевого феномена, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы, что позволит нам, во-первых, осмыслить основания для видения современного общества и культуры как «сетевых» и, во-вторых, разобраться, почему именно метафора сети была выбрана для репрезентации нового формирующегося мира и усиления его легитимности. Обоснуем положение о том, что сегодня правомерно говорить о новом сетевом типе общества как о «нормальной» (Тоффлер), но «другой» модели мироустройства, социально организованного по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры.

Abstract

This problematic field we otreflektiruem number of nodal network aspects of the phenomenon of a claim to new ideological and epistemological perspectives that will allow us to firstly understand the grounds for the vision of modern society and culture " network, and, secondly, also understand why network metaphor was chosen for representation of the new emerging world and enhance its legitimacy. Explain the situation that it is legitimate to speak of a new network type of society as "normal" (Toffler), but other models of the world, organized by social network and information about becoming a display network culture.

If we explicate the concept of "network" in modern philosophy and theories of post – industrial/information society and rationalize it, we will see that, on the one hand, "network" is a modern world order with a new "network" logic, where there are processes of devaluation of traditional discourses, forms of communication and mental activity in favor of virtual and globally " network " models.

Ключевые слова: сеть, сетевая парадигма, сетевое общество, сетевые коммуникации, сетевое мышление, сетевая логика, сетевой миропорядок.

Key words: network, network, network paradigm society, network communication, network thinking, network logic, networking.

На наш взгляд, разумно предварительно определиться с собственной позицией, сказав, что мы признаем концепт «сети», сетевой дискурс симптоматично значимым для понимания глобальной связности объективного мира и социокультурных «сетевых» изменений, в которых современный человек с неизбежностью делает осознанный выбор си-

стемы отсчета для конструирования своей собственной системы ценностей. Как, собственно, для любого общества, в котором живут и действуют люди, осваивающие рационально рефлексивную культуру. Если эксплицировать концепт «сеть» в современной философии и теориях постиндустриального/информационного общества и произвести его рационализацию, то мы увидим, что, с одной стороны, «сеть» – это современный миропорядок с новой «сетевой» логикой, где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобально «сетевых» моделей. А с другой стороны, «новая суперсеть» – это, образно говоря, «стоячая волна перемен» (Кевин Келли), в которой будущее остается принципиально непредсказуемым, предполагая новое отношение к миру в границах личной ответственности и автономии. То есть во многом сетевые феномены и «сетевые эффекты» не осознанны и не артикулированы в полной мере, что позволяет нам, прибегнув к терминологии И. Канта, сравнить «сеть» с «вещью в себе», которая нуждается в дополнительных глубоких интенциях.

В плане понимания смысловой эволюции термина «сеть», его трансформаций в системах знания следует отметить тенденцию последнего периода. Она такова, что меняется, расширяется смысловое наполнение и трактовка «сети» в качестве оптимально справедливой, более качественно приемлемой в новых мировых условиях социальной формы, априори предполагающей постепенное, относительно гибкое и договорное приобщение к работе. Прежде всего, в сравнении с заорганизовано-формальными общественными отношениями, исчерпавшими свою эффективность на данном культурно-историческом этапе развития отношенческой модели в современном социальном пространстве.

Вышеизложенный контекст позволяет нам обозначить ряд важных моментов. Во-первых, изменения в смысловом употреблении «сетей» идут «в ногу» с процессами, которые можно назвать «делегитимацией условностей» и которые, со своей стороны, жидутся на компромиссе между «гражданским и промышленным» градами, заметно повышая легитимность именно «проектного града» (в терминологии Болтански и Кьяпелло), в ходе чего меняется само существо глобальной сетевой логики. Во-вторых, понятие «сеть», эволюционируя от нелегитимности к легитимности и претерпевая смысловые метаморфозы, меняет свою социальную и культурную миссию: от восприятия «сетей» исключительно в его технических значениях (электрическая или телефонная сеть) до Интернет-сетей и сетей коммуникаций с доминирующей идеей преодоления любых границ.

Помимо этого, повышенный интерес к «сетевой парадигме» и «сетям» вообще сопрягается с аналитикой «общества знаний» или, как иногда употребляют в словообороте во множественном числе, «обществ, основанных на знаниях», что, собственно, одно и то же. Постепенно складывается понимание того, что «сетевое общество» – это определенный переходной период этап европейской культуры к развитой системе духовного производства индустриальной цивилизации, притом, однако, что данный этап сопряжен с рисками, зазорами и неизведанными лакунами, когда будущее видится одновременно многообещающим и вызывающим известное беспокойство. Аналитика сетей, утверждая стратегическую роль знаниевого ресурса и безусловную ценность информационного взаимодействия всех участников процесса, показывает, что в лоне постиндустриальных культурно-цивилизационных систем, эти процессы несут в себе риски и угрозы, повышая степень напряженности и отчуждения в обществе. Парадокс здесь в том, что природной сущности человека в его отчаянных попытках «гуманизировать» природный и социальный мир противостоит другая «проектно-ориентированная» логика (Люк Болтански) с доминированием экономических и политических ценностей, что, конечно же, вызывает обоснованную тревогу.

При том, что сегодня налицо высокий интерес к сетевой проблематике, к исследованию современного общества как « сетевого », основные концептуализации «сетей» идут по нескольким линиям и схемам, которые можно отследить. На сегодняшний день достаточно очевидно: как правило, «сеть» и сетевые феномены исследовательской мыслью свя-

зываются (и надо сказать, на достаточных на то основаниях) с достижениями в области естественно-научных дисциплин. А более конкретно – с технаукой и с информационным характером изменений, основательно меняющих самую структуру общества, буквально «опутанного» глобальной сетью Internet уже на данный момент. Складывается (и, можно говорить, практически уже оформилась) специфическая сеть взаимодействия и коммуникативных связей, где человек, одной стороны, ощущает себя относительно автономным и свободным индивидуумом, а с другой стороны, он попадает в зависимость от новых культурных смыслов, которые генерируются на границах сегодняшней сетевой культуры. И поскольку «мы живем во времена великого уравнивания, которое несет нам сеть, постольку что из этого получится, к счастью, в наших руках» [6, с. 28]. Именно так прокомментировал современную ситуацию «расширения свободы» и ответственности человека, носителя «сетевой ментальности», Чарльз Лидбитер, один из ведущих мировых специалистов в области управления инновационной деятельностью. Но, к сожалению, следует признать: в современной культуре, в обществе знания продолжает существовать противоречие между процессами наращиваемости научных технологий и отставанием процессов нравственного созревания человечества как потребителя знаниевого ресурса, в связи с чем нам представляется, что без снятия этого противоречия остановить так называемую «деятельность» по саморазрушению человека, вооруженного интеллектом, окажется невозможно.

Исследуя генеалогию сетевой парадигмы, В.П. Римский проводит параллели образов-персонажей: сеть – многоликий Протей, герой древней мифологии, и отмечает, что «сама направленность нашего сознания высвечивает реальную феноменологию сети и возможную идеальную представленность сети в нашем мышлении, в том числе и своей предметностью для философского созерцания и понимания. Задача последних – попытаться уловить сеть. Не совсем так, как мы опутываем сетями своего обаяния людей, ловим в сети рыбу или сети сотовой связи в свои телефоны... Феноменология сети предполагает сопряжение с методологией уловления этого не просто двуликого Януса, но многоликого Протея» [9, с.269]. Наряду с этим мы не в силах избежать также и «сетей повседневности». Сегодня общение на расстоянии в реальном времени в большей степени, чем развитие транспорта, приводит к уменьшению значимости ближайших, соседских связей в сравнении со связями внепространственной близости: возьмем, например, парадигму исследователя, общающегося с людьми, которые разделяют его интересы, находясь при этом в разных частях света, но не поддерживающего никаких отношений с теми из своих коллег, кто находится в соседних кабинетах. В общем, развитие средств массовой информации и особенно использование средств информатики на рабочих местах сделали вполне конкретным для значительного числа людей абстрактное понятие сети. Накопление собственно технических нововведений, сопряженное со значительным и регулярным уменьшением стоимости их эксплуатации, не могло не способствовать стиранию границ между отдельными мирами.

Иными словами, в зачаточных формах дискурс «сети» и культурных сетевых парадигм не возникает «здесь и сейчас»: с той или иной долей очевидности он обнаруживается на всех этапах длительной человеческой эволюции. Правомерно говорить, что «сеть – это «... и способ бытия человека, и способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие «сеть» обретает методологическое звучание вне связи с информационно-технологическими процессами» [10, с. 45]. С одной стороны, сеть – это ячеисто структурированная данность, а с другой стороны, сеть – новая смысловая логика современного миропорядка. К этим подходам примыкает обобщающая трактовка «сети» как антропного феномена, в рамках которого дается достаточно емкое определение «сети», которое в целом разделяется нами. Сказанное нами подчеркивает специфику сетевого общества как общества, в котором «по мере роста инновационного сегмента размываются границы и «демаркационные линии» между наукой и технологиями, об-

ществом и культурой, пронизанных рациональным знанием» [11, с. 9], «сеть» – это новый образ мира и человека в нем, создавшего образ-сеть, новый сетевой мир и одновременно ставшего «заложником «сетей».

Примечательно, что исследователи говорят о принципиальной невозможности вычленения каких-либо основных критериев-признаков порядка, основанного на сетевой конструкции, в единую систему по причине отсутствия основополагающего труда, нацеленного на утверждение возможности существования гармоничного и справедливого мира, основанного на принципе сети. Ведь по сути, сетуют Болтански и Кьяпелло, «Отношенческий порядок никогда не являлся объектом (как это было, например, с порядком домашним, гражданским или рыночным) систематических аналитических построений в рамках традиционной политической философии. Причина этого в том, что современные течения, в которых разрабатывалось понятие сети, складывались в противовес всякого рода метафизическим конструкциям, на которые опирались политические философии общего блага» [3, с. 272]. Отсюда следует, что всякие «попытки совмещения сетевых представлений с моральной проблематикой, «подразумевающей отношение к справедливости, выстраивались путем присоединения к сетевой топике различных элементов, восходящих к самым разнообразным течениям мысли» [3, с. 272].

Зададимся вопросом: каким образом происходят процессы ассимиляции сетей в социальных науках, которые участвуют в описании отношенческого мира, обладающего когерентностью и природной непосредственностью, в котором действие может быть оправдано, если оно является составляющей проекта, направлено на развитие их возможностей ассимиляции в рамках принятой в них концепции науки. Основной тезис здесь – «Сказать, из чего, в конце концов, состоит мир, – значит придать ему некое свойство, природу» [3, с.223]. Преимущества сетевого анализа можно постараться описать посредством краткого сравнения способов описания мира и общественных феноменов. Стремление создать по-настоящему научную социологию на базе сетевого анализа заявило о себе двумя разными способами. Первый можно схематически определить как исторический, а второй – как натуралистический. Согласно первому, историческому, сетевой анализ является наиболее адекватным для описания современных обществ, поскольку их отличительной чертой является развитие разных видов деятельности по развитию сетей. Она делает упор на новизне сетевого мира и точное соответствие описаний сетей современному миру, тому, в котором мы живем и который пытаемся понять, и прекрасно согласуется с утверждением, сопровождающим описание отношенческого мира, согласно которому эта форма характеризует мир, рождающийся у нас на глазах.

Второй, натуралистический, отдает предпочтение описанию исторических изменений исключительно через сетевую структуру, откуда следует ее преимущество: «она придает сетевой форме более прочное основание, укореняя ее в самом естестве, в самой природе мира» [3, с. 273]. Преодоление разрыва между этими позициями: исторической, согласно которой сеть – это форма, которая подходит нашему времени, и натуралистической, утверждающей, что сеть – это конститутивная основа любой природы и социального мира, возможно при допущении, что в плане познания сетевая организация представляет собой наиболее приемлемую форму глобального видения мира, основанного на *отношенческой (коммуникативной) логике*. Л. Болтански и Э. Кьяпелло пишут: если и произошло что-то новое в интересующем нас здесь отношении, так это формирование способа суждения, в рамках которого принимается как непреложная данность, что мир – это сеть (а не система, не структура, не рынок, не сообщество), что дает определенные точки опоры, для того чтобы оценить и упорядочить относительную ценность людей в этом новом мире» [3, с. 275].

Осмысливая концепт «сети» и сетевой парадигмы в российской философии начала XXI столетия, мы сталкиваемся с рядом проблемных вопросов, в ряду основных – правомерность констатации сетевой «парадигмы», которая вроде бы есть... Ведь можно указать по первой прикидке, что отнюдь немало авторов присутствует в этом проблемном поле,

что и проделано выше. Но является ли она («сетевая парадигма») новой? И, что особенно важно, ломает ли она «нормативную науку»? В этом плане интересна сетевая методология в свете сравнительного анализа идей М.К. Петрова и Б. Латура, основателя «сетевой методологии» в социально-гуманитарном знании, показавшего, «как собирается «социальное» в сетях в «коллективы» и «ассоциации», «парламенты» и «ассамблеи» причудливых гибридов: человек и нечеловек, вездесущих «актеров», активных «актантов» и представительных «агентов» – этих лейбницевских монад нашего единого, гармоничного и лучшего из миров, возросших в хайдеггеровском стоическом *dasein* и сбежавших в ландшафты латуровских сетей повседневности» [9, с. 270].

Во-первых, это относится к петровскому дискурсу в исследовании науки: не только «сетей цитирования» как механизма получения нового знания, но и к неформальной, неиерархической и «горизонтальной» организации науки как «невидимого колледжа», который стремится постоянно стать институализированной, почти всегда иерархичной и «вертикальной» куновской «парадигмой». Во-вторых, сами необычные концепты М.К. Петрова введены им в контекст собственного философско-культурологического науковедения ещё в 60–70-е годы прошлого века, когда он занимался социологией науки в лаборатории «социологии науки» параллельно Б. Латуре, создавшему в это же время свои лабораторные институты «исследования науки и технологии» (STS). Мы имеем в виду такие концепты, как «фрагмент знания» и «интерьер», «трансляция» и «трансмутация», «общение индивидов и поколений». Разумеется, и М.К. Петров, и Б. Латур отталкивались от идей Мертона, но очевидно, что актуальны и латуровские, и петровские идеи о необходимости исследовать «социальные интерьеры», в том числе и «социальный интерьер науки», методами «полевых исследований», как изучают этнологи «остывшие» архаические культуры. В-третьих, петровская концепция тезаурусной динамики развития научного знания несомненно относится к «сетевой парадигме» мышления и применима не только в науковедении, социологии и философии науки [4, с. 14], но и гораздо шире – в культурологии.

Таким образом, на общем фоне динамики роста работ, посвященных сетям, обозначается тенденция широкого распространения « сетевого » видения мира. Постепенно приходит понимание того, что по большому счету «... споры по поводу сетей относятся не к миру как таковому, а к способам его описания» [3, с. 275]. Принимая эту интерпретацию сети с некоторой коррекцией, мы обосновываем сеть в качестве новой парадигмы и новой культурной реальности, которая восходит к аналогам в природно-материальной действительности, и которая сегодня связана с заметным доминированием различного рода сетей и сетевых структур, с необходимостью меняющихся (можно говорить, трансформирующих) роль человека в культуре. Происходит качественный сдвиг в понимании значимости и ценности человеческого фактора как движущей силы сетевых процессов в глобализующемся мире. Внимание правомерно отдается человеку, владеющему новейшими методами, методиками и технологиями грамотного обращения с базой знания и информации, включая ресурс «медиа».

Иными словами, характеризуя сетевую парадигму и сетевые феномены в культуре, можно говорить о том, что сеть представляет собой культурно-исторически обусловленную форму системной, сетевой связи, особый (основанный на информационных технологиях) способ производства и трансляции знаний, с присущей ей системой типических признаков, специфической сетевой ментальностью и «нет-мышлением», подвижными текучими границами, которые устанавливаются и меняются самой «сетью» и деятелями-интеллектуалами. По сути, «сеть» представляет собой новый современный миропорядок, где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобально «сетевых» моделей. В целом обращение к концепту «сеть» (и производных от него: «сетевое общество», «сетевые коммуникации», «сетевое мышление» и пр.) иллюстрирует его скорее не как инновацию, а в большей мере как

новомодную научную и философскую парадигму, существо которой во многом все еще остается «вещью в себе», требуя целостной аналитики и артикуляции (не исключая собственностноличностных философских интуиций).

Список литературы

References

1. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 65–80.
Belonenko E.O., Roman V.P. Time self-identification Nouveau/scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". N. 2 (199). ISS. 31. Belgorod, 2015. P. 65–80.
2. Белоненко Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №1 (5). Белгород, 2015. С. 5–24;
Belonenko E.O., Roman V.P. Capitalization time in civilisation Moderne/science. Art. Culture. Peer-reviewed scientific journal BGIK. N. 1 (5). Belgorod, 2015. P. 5–24.
3. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 274–295.
Boltanski L., Kjapello Ev. The new spirit of capitalism. M.: new literary review, 2011. P. 274–295.
4. Игнатов М.А. Сетевая парадигма (философская рефлексия) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41. Белгород, 2017. С. 49–55.
Ignatov M.A. Network paradigm (philosophical reflection)//scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". № 17 (266). ISS. 41. Belgorod, 2017. P. 49–55.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура (http://ww.gumcr.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php).
Castells M. information era: economy, society and culture (http://ww.gumcr.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php).
6. Лидбитер Ч. Мы - думаем: массовые инновации, не массовое производство / Ч. Лидбитер; пер. с англ. А.В. Захаров. М.: Акварина, 2009. 262 с.
Leadbeater H. We think: mass innovation, not mass production/h. Leadbeater; Lane. with engl. A.V. Zakharov. PM: Aqua book, 2009. 262 p.
7. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
Nazarchuk A.V. networked society and his philosophical understanding // Questions of philosophy. 2008. N 7. P. 61–75.
8. Римский В.П. Эссе о свободной философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 8 (205). Вып. 32. Белгород, 2015. С. 193–198.
Rimskiy V.P. Free essays on philosophy/scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea". № 8 (205). ISS. 32. Belgorod, 2015. P. 193–198.
9. Римский В.П. Генеалогия сетевой парадигмы. Часть I. Аналогия и феноменология // Наука. Искусство. Культура / Научный журнал БГИИК. – № 2 (6). – Белгород, 2015. С. 267–282.
Rimskiy V.P. Genealogy network paradigm. Part i. Analogy and phenomenology//science. Culture. Art/Journal BGIK. -№ 2 (6). -Belgorod, 2015. P. 267–282.
10. Шенцева Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. № 8. 2012. С. 42–49.
Shenceva E.A. The network approach in the context of the philosophical discourse//voprosy filosofii. N. 8. 2012 . P. 42–49
11. Шамардин Н.Н. Общество «ознаний»: философско-методологический и науковедческий анализ. Дис. к. филос. н. 09.00.08 – Философия науки и техники. Белгород, 2016. 160 с.
Shamardin N.N. Society «oznaniy»: naukovedcheskij and philosophic-methodological analysis. Dees. the doctor 09.00.08-philosophy of science and technology. Belgorod, 2016. 160 p.